

УДК 81'221:81'42:811.512.141

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/130/88>

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИИ ДВИЖЕНИЯ ГЛАЗ И ВЗГЛЯДА, КАК НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

©**Маразыков Т. С.**, ORCID: 0009-0005-5252-6164, SPIN-код: 1718-2953, д-р филол. наук,
членкорр. НАН КР, Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан, adsdi@inbox.ru

©**Элтүзерова Г. Ж.**, ORCID: 0009-0007-6152-2899, SPIN-код: 7769-5703,
Кыргызский национальный университет им. Ж. Баласагына,
г. Бишкек, Кыргызстан, Eltuzerovagulzina@mail.ru

LINGUOPRAGMATIC ANALYSIS OF THE FUNCTION OF EYE MOVEMENTS AND GAZE AS NON-VERBAL MEANS IN LITERARY TEXTS

©**Marazykov T.**, ORCID: 0009-0005-5252-6164, SPIN-code: 1718-2953, Dr. habil.,
Corresponding member of NAS KR, Kyrgyz National University named after Zh. Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyzstan, adsdi@inbox.ru

©**Eltuzerova G.**, ORCID: 0009-0007-6152-2899, SPIN-code: 7769-5703, Kyrgyz National
University named after Zh. Balasagyn, Bishkek, Kyrgyzstan, Eltuzerovagulzina@mail.ru

Аннотация. В статье речь идет о вопросах, исследуемых в последние годы в рамках направления, основанного на человеческом факторе. В языкознании ставится цель познания нации, её культуры и традиций через невербальные средства, в том числе через движения глаз и функции взгляда в художественном тексте. Основным объектом исследования является стилистическая окраска и функция, привносимая окулесическими (зрительными) средствами в художественный текст. На основе конкретного фактического материала в статье исследуются коммуникативная, прагматическая, логико-семантическая, лингвопрагматическая и лингвостилистическая функции движений глаз и взгляда как невербальных средств в художественном тексте, а также особенности выражения ими художественно-эстетической информации. В работе на базе примеров из романа Т. Касымбекова «Сломанный меч» проведен всесторонний комплексный анализ движений глаз, их особенностей, роли в формировании художественного образа, а также стилистических свойств невербальных средств. При анализе художественного текста функции глаз и взгляда исследовались на стыке нескольких наук — лингвостилистики, лингвопрагматики, лингвокультурологии и этнопсихологии, то есть в рамках полипарадигмального подхода. Установлено, что движения глаз в художественном тексте в целях создания художественного образа обладают функционально разнообразным характером и различными особенностями. По нашему мнению, данный аспект связан с коммуникативно-функциональными особенностями художественного текста. Ввиду того, что в кыргызском языкознании элементы окулесики (а именно функции движений глаз) практически не исследованы, данная работа может внести весомый вклад в лингвистическую науку.

Abstract. The article addresses the issues explored in recent years within the framework of the human-centered paradigm. In linguistics, the objective is to understand a nation, its culture, and its traditions through non-verbal means, including eye movements and the functions of the gaze in a literary text. The primary object of the research is the stylistic coloring and function introduced by oculesic (visual) means into a literary text. Based on concrete factual material, the article examines the communicative, pragmatic, logical-semantic, linguopragmatic, and linguostylistic functions of

eye movements and gaze as non-verbal means in a literary text, as well as the specific features of their expression of artistic and aesthetic information. Utilizing examples from T. Kasymbekov's novel *The Broken Sword*, the study provides a comprehensive, multifaceted analysis of eye movements, their characteristics, their role in shaping the artistic image, and the stylistic properties of non-verbal means. When analyzing a literary text, the functions of the eyes and gaze were investigated at the intersection of several disciplines — linguostylistics, linguopragmatics, linguoculturology, and ethnopsychology, that is, within the framework of a poly-paradigmatic approach. It has been established that eye movements in a literary text aimed at creating an artistic image possess a functionally diverse character and various specific features. In our view, this aspect is conditioned by the communicative and functional characteristics of a literary text. Given that the elements of oculistics (specifically the functions of eye movements) have practically not been explored in Kyrgyz linguistics, this work can make a significant contribution to linguistic science.

Ключевые слова: направление, основанное на человеческом факторе, движения глаз, взгляд, невербальные средства, окулесика, лингвостилистика, лингвопрагматика, лингвокультурология, этнопсихология, полипарадигма, национальная специфика, художественно-эстетическое воздействие, художественный образ, стилистические особенности, социальный контроль.

Keywords: human-centered paradigm, eye movements, gaze, non-verbal means, oculistics, linguostylistics, linguopragmatics, linguoculturology, ethnopsychology, poly-paradigm, national specificity, artistic and aesthetic impact, artistic image, stylistic features, social control.

В языкознании последних лет всё большее значение придаётся антропоцентрическому направлению, целью которого является познание нации и её культуры через язык. Несмотря на то, что в отдельных исследованиях кыргызского языкознания приводятся сведения о самих невербальных средствах, до настоящего времени не предпринималось попыток комплексного исследования природы и особенностей невербальных средств в художественном тексте с учётом многообразия таких парадигм, как коммуникативная, лингвистическая, лингвокогнитивная, лингвокультурологическая, лингвопрагматическая и лингвостилистическая. Именно поэтому исследование функций, выполняемых невербальными средствами в художественном тексте, является крайне актуальным в кыргызском языкознании [5].

В художественном тексте невербальные средства, в том числе различные движения глаз и виды взглядов, выполняют несколько функций в качестве художественной детали. Такое функциональное многообразие невербальных средств тесно связано с общей природой и функционально-стилистическими особенностями художественного произведения. Согласно исследованию учёного М. Паттерсона, движения глаз и различные взгляды выполняют следующие пять функций в процессе обмена информацией: информационное обеспечение; регулирование взаимодействия; выражение интимности; проявление социального контроля; облегчение выполнения задачи [10].

Функции движений глаз и взглядов как невербальных средств в художественном тексте можно определить на примерах из романа Т. Касымбекова «Сынган кылыч» (Сломанный меч). Например: Движения глаз и взгляд как невербальные средства выполняют в художественном тексте функцию информационного обеспечения. Обмен информацией через художественный текст преследует определённую цель, в соответствии с которой определяются и задачи. Однако эта цель и задача не всегда одинаково известны всем участникам коммуникации. В

художественном тексте зачастую важную роль играет скрытый, неизвестный интерес. В определении и распознавании этой скрытой задачи, скрытого интереса особую функцию выполняют взгляды общающихся персонажей. Например: «Нүзүп казыйдын кабагын бирпас тиктеп калды. Казыйдын дили толкуп кетти. Үстүнөн чыкты болжол ою!» [3].

Нюсуп на мгновение взгляделся в лицо казия. Душа казия всколыхнулась. Его догадка подтвердилась!. Здесь очень хитрый казий по тому, как Нюсуп «на мгновение взгляделся», понял, какую цель тот преследует и какой у него интерес, и в соответствии с этим продолжил свою речь. То есть «мгновенный взгляд» раскрыл неясные, неизвестные до этого цели, задачи и интересы, обеспечив полную информацию. «Мадыл эми түшүндү, сынап жатпасын дегендей Абил бийдин жүзүн мелтиреп тиктеди. Абил бий анын дилин окуп, акырын башын ийкеп койду. — Ошент. Кайратың болсо, өчүндү ушул дүйнөдө эле алып кал, Мадылым... Мадыл обдулуп: — Сайдым башымды... — деп, күбүрөп, тура баштады эле, Абил бий колун асте жаңсап кайра отургузуп койду. Абил бийдин кабагы чытылды. Мадылдын оюн окугусу келгендей мелтиреп тиктеди: — Сага эң акыры айтарым: дан багарларга жакын жерден тоскондой бол. Уктуңбу? Мадылдын акылы жетпеди. Абил бий томсоруп турган. Жүзүндө эч ырайым жок эле. Мадыл жалтанып кетти, көзүн ала качып жер тиктеп баш ийкеди» [3].

Мадыл только теперь понял и, словно проверяя, уставился неподвижным взглядом в лицо Абил бия. Абил бий, прочитав его мысли, тихонько кивнул головой. — Вот так. Если есть сила, забирай свой куш в этом мире, мой Мадыл... Мадыл порывисто приподнялся:

— Ставлю на кон свою голову... — пробормотал он и уже собирался встать, но Абил бий легким жестом руки усадил его обратно. Абил бий нахмурился. Он пристально, неподвижно посмотрел на Мадыла, словно желая прочесть его мысли: — И последнее, что я тебе скажу: прегради им путь где-нибудь поближе к хлебородам. Слышал? Мадыл не понял смысла. Абил бий сидел угрюмый. На его лице не было ни капли жалости. Мадыл оробел, отвёл взгляд, уставился в землю и кивнул. То, что Мадыл «словно проверяя, уставился неподвижным взглядом в лицо Абил бия», и в то же время Абил бий «пристально, неподвижно посмотрел на Мадыла, словно желая прочесть его мысли», привело к тому, что обе стороны, чьи цели, задачи и интересы оставались неясными, стали «пристально всматриваться» друг в друга. Здесь косвенно показано, что «недостаточность информационного обеспечения» усложняет процесс обмена информацией.

Движения глаз и взгляд как невербальные средства выполняют в художественном тексте функцию регулирования взаимодействия. При передаче информации в художественном тексте учитываются сопутствующие обстоятельства, настроения и взаимоотношения персонажей, особенности их общения и т.д. Общающиеся герои воспринимают это в основном через взгляды и с их помощью регулируют общение, направляя его в нужное русло и обеспечивая желаемый результат. Например: « — Абил! Бекназар! Силер мен Кокондо турганда неге бир барбадыңар? — деп кайгырып сурады. Бекназар Абилди карады. Абил Алмамбетти карады» [3].

— Абил! Бекназар! Почему вы ни разу не навестили меня, пока я был в Коканде? — с горечью спросил он. Бекназар посмотрел на Абила. Абил посмотрел на Алмамбета.

В данном случае то, что Бекназар посмотрел на Абила, а Абил — на Алмамбета, направлено на то, чтобы узнать и определить цели и интересы Алмамбета в этом разговоре. Только знание точной информации могло отрегулировать беседу, открыть путь и создать условия для её ведения в правильном направлении. « — Аке, — деди Мусулманкул акырын, — «тагам казынабыздан куру чыкпасын» дейт хан жиениниз. Кудаяр-хан жалт карай берди, көзүндө «мен качан айттым эле?» деген таңыркоо. «Тек бол...» дегенди туйдура кабак чытып койду «хан атасы» [3].

— Аке, — тихо сказал Мусулманкул, — ваш племянник-хан говорит: «пусть мой дядя не уходит из нашей казны с пустыми руками». Кудаяр-хан испуганно метнул взор, в его глазах читалось недоумение: «когда это я такое говорил?». «Цыц!..» — многозначительно нахмурил брови «ханский отец». То, что Тологон Касымбеков сам истолковывает значения действий «жалт карай берди» (испуганно метнул взор/резко оглянулся) и «кабак чытып койду» (нахмурил брови) как невербальных средств и приводит их в кавычках, следует рассматривать как его «пояснение», литературный приём, направленный на раскрытие малоизвестных широкому кругу сторон той роли, которую играет взгляд в художественном тексте. То, что Кудаяр-хан «резко оглянулся», выражает недоумение и вопрос: «Когда это я говорил?». А то, что Мусулманкул «нахмурил брови», скрывает в себе невербальный знак-сигнал: «Цыц», «помалкивай», «не выступай против». Это мимолётное движение бровей Мусулманкула послужило осуществлению его главной цели в данном разговоре: оно отрегулировало беседу в нужном ключе для получения желаемого результата и чётко определило её основное направление. В романе «Сломанный меч» слова, выражающие взгляд как невербальное средство, и их художественно-эстетическая функция в обмене информацией присутствуют во всех моментах и факторах коммуникации. В художественном тексте они выступают в качестве средств, правильно регулирующих беседу и взаимодействие. Движения глаз и взгляд как невербальные средства выполняют в художественном тексте функцию выражения интимности. Слово «интимный» происходит от латинского *intimus* и означает «самый глубокий», «внутренний» [7].

На кыргызский язык это переводится как «ички» (внутренний), «терендеги» (находящийся в глубине). На самом деле, выражение интимности — это глубокая и сложная задача при создании художественного текста, требующая особой чуткости, глубокого осмысления и крайне ответственного отбора вербальных и невербальных средств выражения и способов передачи информации. Сама природа интимности не позволяет выразить это чувство и мысль прямыми языковыми средствами. В романе «Сломанный меч» подобные чувства художественно описаны дважды: первый раз — во время встречи Темира и Айзаады, второй раз — во взаимоотношениях Айзаады и Эшима. Вопросы интимности в этих встречах и отношениях очень искусно и художественно переданы через невербальные средства, выражаемые взглядами. Например: «Төрдө үлпүнчөк ачпай тою түшүп отурган кыздын жанында суусар бөрк кийип мөлтүрөп, бактылуу жылмайып тынч отурган күйөө бала Темирди чекчейип тиктеп:

— Курдаш, арзыганың ушерде окшойт.. — деп калды. — Көркпонуз, мырза күйөө, менин издегеним башка!.. Өргөө ичи дуу күлүп жиберди. Күйөө кулагына чейин кызарып, элге кошулуп аргасыз күлгөн болду. Ошондо Айзаада да эл ичинде Темирди бир жадырап тиктеп алды. Курдаш кызынын артына өтүп, кылтыйып жигитти таамай карап, жигиттин ачык жүзүнөн жан жылытар жылуулукту сезди, көздөрүнөн кумар отун көрдү. Так ошол учурда Темир анын көз карашын кармап калды. Бу сапар кыз көзүн ала кача албады...» [3].

Посмотрев в упор на Темира, жених в выдровой шапке, сияющий и счастливо улыбающийся, спокойно сидел на почетном месте рядом с невестой, еще не снявшей свадебное покрывало, [друг] обронил:

— Дружище, похоже, твоя суженая здесь...

— Не бойтесь, зять-мырза, я ищу другую!.. Вся юрта разразилась дружным смехом. Жених покраснел до ушей и был вынужден рассмеяться вместе со всеми. В этот момент Айзаада тоже бросила на Темира один сияющий, приветливый взгляд из толпы. Спрятавшись за спину подружки и устремив на парня прямой, пристальный взор, она ощутила согревающее душу тепло, исходившее от его открытого лица, и увидела в его глазах огонь влечения. Как раз

в этот миг Темир поймал её взгляд. В этот раз девушка не смогла отвести глаз.... Этот небольшой текст, а также уместно использованные в нём невербальные средства можно воспринимать как уникальную, великую художественно-эстетическую находку (Сломанный меч), которая через взгляды, с высочайшим художественным мастерством, негласно передаёт внешнюю осанку, внутренние переживания, интимность, а также невидимые, не замечаемые другими, глубоко затаённые, сокровенные и тайные чувства — психологическое, эмоциональное и этико-эстетическое состояние, переворачивающее внутренний мир людей. Здесь «говорят» исключительно глаза, «общаются» исключительно глаза. Почему «[друг] посмотрел в упор (чекчейип тиктеп) на жениха Темира?» Потому что он «увидел» во взгляде жениха Темира страсть, преданность, особенное чувство, кокетство и интимность. Его мысли сразу же переключились на свою будущую невесту, в нём пробудились чувства ревности и ненависти, и он «увидел» в Темире соперника — этот подтекстовый смысл и был передан через его «взгляд в упор». Тологон Касымбеков – великий мастер создания образов, умеющий с помощью вербальных средств искусно передавать невербальную информацию, придавая каждому персонажу живость, образность и естественность. «Жених покраснел до ушей и был вынужден рассмеяться вместе со всеми». Если бы мы изменили это предложение на: «Жених смутился и сделал вид, что смеётся», то оно лишь поверхностно описало бы состояние и явление в сознании, выразив крайне обобщённую, блёклую мысль, лишённую какой-либо художественной, образной и выразительной окраски. Ответ Темира на загадочный, полный сомнений вопрос жениха: «Я ищу другую!», — и то, что сидевшие в ставке в ответ на это «разразились дружным смехом», не могло не привлечь внимания сидевшей там же Айзаады. «В этот момент Айзаада тоже бросила на Темира один сияющий, приветливый взгляд (жадырап тиктеп алды) из толпы». Этот «сияющий взгляд» стал мимолётным, обращённым к джигиту первым внутренним душевным трепетом девушки, искрой и пробуждением глубокого внутреннего чувства, интимности. Почувствовав необходимость объяснить читателю причину и следствие этого сияющего взгляда Айзаады, искусный художник слова приводит предложения, которые на первый взгляд кажутся не имеющими прямого отношения к теме. А именно: «Лицо злонамеренного человека бывает похожим на змею, вся его внутренняя грязь буграми проступает на лице; у человека же с чистой душой на лице цветут цветы, а в глазах горят звёзды». Эту дефиницию автор «не говорит» от себя. Так «говаривала» бабушка Айзаады. «Айзаада вспомнила это». Почему? Потому что Айзаада «увидела на лице Темира цветы», «увидела горящие в его глазах звёзды». Встретив слова бабушки в реальной жизни, она ощутила их всей душой, увидела собственными глазами и, осознав, что эти слова – истинная правда, оказалась ими заморожена. В результате, сама того не замечая, но строго соблюдая девичье приличие: «Спрятавшись за спину подружки и устремив на парня прямой, пристальный взор, она ощутила согревающее душу тепло, исходившее от его открытого лица, и увидела в его глазах огонь желания». «Спрятавшись» — значит украдкой, таясь, стесняясь, стараясь не показывать окружающим, «устремив на парня прямой взор», она ощутила неведомое и неосязаемое другими «тепло» и увидела «огонь желания», столкнувшись в своей душе с настоящим пожаром сердца. И в тот момент, когда в душе, психике, в чувствах и мечтах Айзаады происходило такое смятение и буря: «Как раз в этот миг Темир поймал её взгляд. В этот раз девушка не смогла отвести глаз....».

Таким образом, «беседа» взглядов, точнее глаз, достигла своей кульминации: Темир «поймал её взгляд», девушка «не смогла отвести глаз». Глаза отразились в глазах, глаза поймали глаза, глаза «увидели» друг в друге горячее, как огонь, дыхание великого чувства, чистой любви и интимности — ту глубочайшую, мощнейшую и самую трепетную душевную

страсть, которую невозможно заменить ничем другим и практически невозможно объяснить словами; они были заморожены этим и приняли его.

Функция слов, выражающих взгляд как невербальное средство, в передаче интимности раскрыта в романе «Сломанный меч» чрезвычайно тонко и впечатляюще, как это показано выше. Мы считаем это удивительным феноменом, который крайне редко встречается в кыргызской литературе. Столь же образное, убедительное, эмоциональное и высокохудожественное изображение внутренних, интимных чувств Темира и Айзаады в других видах искусства — например, в живописи, танце, музыке, песне, кюю (инструментальной пьесе), кино или театре — кажется практически невозможным. Это обстоятельство лишний раз подтверждает необходимость и актуальность углублённого исследования языка романа Т. Касымбекова «Сломанный меч» как художественного текста, а также семантики и функций представленных в нём невербальных средств. В романе функция взглядов по выражению интимности в процессе обмена информацией ярко и образно проявляется также при передаче близости, интимных взаимоотношений между Эшимом и Айзаадой, при описании психологических условий их сближения. Например: «Эшим көзүн коюлтуп тиктеп, бирдеме айтчудай болуп, бирок тартынгансып, ойго баткансып отурду. Айзааданын жүрөгү дикилдеп чоочулады... Башы кеңгирегенсип, оюн жыйнактай албагансып, ичи кымкуут боло баштады, ал кежигеси ысыгансып, Эшимдин өзүн тиктеп отурганын сезип, ан сайын дүрүлдөгөнсүп кетти» [3].

Эшим сидел, устремив на неё глубокий, помутневший взор (көзүн коюлтуп тиктеп), словно собираясь что-то сказать, но будто робея и погрузившись в думы. Сердце Айзаады испуганно затрепетало... Голова её словно затуманилась, мысли путались, внутри всё перевернулось; чувствуя на себе пристальный взгляд Эшима, она ощутила, как запылал затылок, и её всю обдало жаром. То, что Эшим «устремил на неё глубокий, помутневший взор», послужило раскрытию психологического смятения в душах обоих персонажей. Этот «густой, помутневший взгляд» отразил нерешительность и задумчивость Эшима и одновременно стал причиной того, что у Айзаады «испуганно затрепетало сердце», «голова затуманилась», «мысли запутались», «внутри всё перевернулось» и «запылал затылок». Оба они, помимо своей воли, оказались заморожены великим чувством интимной потребности и, вынужденно подчиняясь закону природы, шли навстречу сближению и слиянию... На этом примере убедительно и образно отражены свойства и сила одного лишь взгляда в выражении интимности, его роль и функция в раскрытии природы естественного влечения (страсти), не подчиняющегося разуму.

В художественном тексте движения глаз и взгляд как невербальные средства осуществляют функцию социального контроля. Известно, что обмен информацией как сложная самостоятельная система реализуется через взаимосвязь нескольких факторов, которые выступают в качестве условий и требований, обеспечивающих достижение целей коммуникации. Среди этих факторов особое место занимают невербальные функции слов, выражающих взгляд и обеспечивающих социальный контроль над обменом информацией.

Социальный контроль — это соблюдение национальных, традиционных норм, обычаев и требований в процессе общения. По этому поводу в кыргызском народе сложены такие мудрые изречения, как: «Не начинай речи, не поздрававшись», «Даже шутя, говори обдуманно», «Побеждает не тот, кто говорит много, а тот, кто говорит в точку», «Меньше говори, больше слушай». Соблюдение этих правил в процессе общения строго контролируется обществом. Т. Касымбекову удалось тонко раскрыть наличие социального контроля в обмене информацией с помощью слов, выражающих взгляд в романе. Например: «— Ассалому алейкум! Словно только сейчас заметив приход Бекназара и будто обрадовавшись, Абил бий

принял приветствие: — Сюда!.. Иди, батыр... — и похлопал по своему колену. — Вы звали меня, пансат аке? Абил бий скользнул по Бекназару быстрым, оценивающим взглядом (бир имерип тиктеп алып) и негромко, осторожно произнес: — Баатыр... Есть разговор, который нужно обсудить сообща... В такое трудное время совет — благое дело. Давай посоветуемся... Бекназар опустил на одно колено чуть ниже очага: — Я слушаю вас. Как бы то ни было, Абил бий будто опасался чего-то, на сердце у него было беспокойно. Он снова уставился на Бекназара пристальным, пронизывающим взглядом (кадалып тиктеди)» [3].

В данном эпизоде социальный контроль соблюден полностью. Бекназар согласно традиции поприветствовал старшего, Абил бий ответил на приветствие. Поскольку Абил бий сам звал его, он встретил его словами: «Иди, баатыр». Бекназар сразу же задал вопрос: «Вы звали меня, пансат аке?». А когда Абил бий сказал: «...совет — благое дело. Давай посоветуемся», Бекназар опустил на одно колено со словами: «Я слушаю вас» (букв. «уши у вас»), что само по себе кроет в себе глубокий смысл. Бекназар — выходец из народа, защищающий интересы простых людей. Абил — видный, типичный представитель правящей верхушки. По сути, они недолюбливают друг друга, это люди из разных миров, с полярными взглядами на жизнь. В то же время существует проблема, которая объединяет их и заставляет совещаться и принимать совместное решение. Именно это дело вынуждает их вести диалог. То, что Абил бий сначала «скользнул по Бекназару быстрым, оценивающим взглядом», а затем «снова уставился на него пристальным, пронизывающим взглядом», свидетельствует о крайней важности вопроса, вынесенного на обсуждение, и о том, что роль Бекназара в его решении имеет особое значение. Отсюда можно сделать вывод, что функции значений взгляда при осуществлении социального контроля в процессе обмена информацией многогранны и являются необходимым условием и требованием для достижения желаемой цели. «Эшиктен зайыбы кирди. Абышка зайыбын сынай тиктеп, бир аз токтолуп, айтсамбы, айтпасамбы дегендей, бир аз кыйылып турду да, акырын сүйлөдү: — Тууган баладан көрсөтөбү кудайым убайды, тутунган баладан көрсөтөбү кудайым убайды... Ак Эрке акча жүзүн кылайтып, байына бир түрдүү мээр менен тиктеп, байынын оозунан чыккан сөз ага чексиз кубаныч апкеле тургандай, астейдил кунт коюп, токтоло калды» [3].

В дверь вошла его жена. Старик посмотрел на неё оценивающе (сынап тиктеп), немного помедлил, словно сомневаясь — говорить или не говорить, выдержал паузу и тихо произнес: — От родного ли дитя явит мне бог благодать или от приёмного?.. Ак Эрке чуть повернула своё бледное, светлое лицо и посмотрела на мужа с какой-то особенной нежностью (бир түрдүү мээр менен тиктеп). Предчувствуя, что слова, готовые сорваться с его уст, принесут ей безграничную радость, она замерла, внимательно и чутко прислушиваясь. То, что старик посмотрел на жену «оценивающе», таит в себе своеобразную тайну, порождает вопрос и указывает на крайнюю важность предстоящих слов и мыслей, а также на то, как их воспримет супруга. Стоило старику начать «тихо говорить», излагая свои мысли и решение, как жена, не дав ему высказаться до конца, посмотрела на мужа «с нежностью», выражая тем самым, что его решение правильно и совпадает с её ожиданиями. Эти функции были наглядно продемонстрированы взглядами. В художественном тексте движения глаз и взгляд выполняют функцию облегчения выполнения задачи. В соответствии с целью обмена информацией в коммуникации всегда существуют определённые задачи. Функция облегчения их реализации обеспечивается значениями слов, выражающих взгляд как невербальное средство. В романе «Сломанный меч» данные функции взглядов переданы очень уместно и образно. Например: «Жүзү жылуу, тил билген орус» кабагы жаркылдап, күлө багып, генералдын сөзүн шакылдатып которуп калды. Былк этпей, үн катпай, саргылт жашыл көзү коюлгансып, акырын башын ийкеди Курманжан. — Ыраазылык айтты, — деди токтолбой «жүзү жылуу». General

Скобелев: — Качан айтты?! — Көз тиктеп, баш ийкеп койгон, Михал Дмитрич, быякта «макул болуу», «ыраазылык» болот» [3].

«Русский с приятным лицом, знающий язык», с сияющим взором и приветливой улыбкой, без умолку принялся переводить слова генерала. Курманжан же, не шелохнувшись и не проронив ни звука, лишь устремила на него помутневший взор своих желтовато-зелёных глаз (көзү коюлгансып) и тихонько кивнула головой. — Она выразила благодарность, — без запинки произнес «приятный лицом». Генерал Скобелев: — Когда она это сказала?! — Михаил Дмитриевич, здесь пристальный взгляд и кивок головы означают «согласие» и «благодарность». В этом эпизоде очень кратко и точно показано, что диалог между Востоком и Западом, между двумя народами, нациями и менталитетами имеет особое значение. Если не знать этих особенностей и не вести себя соответствующим образом, то задачи по достижению целей переговоров не будут выполнены, и весь процесс обмена информацией сорвётся. Генерал Скобелев не смог бы самостоятельно понять то, что Курманжан «устремила на него помутневший взор своих желтовато-зелёных глаз и тихонько кивнула головой». Поэтому он, не поняв сообщения переводчика (Она выразила благодарность), вынужден удивлённо и вопросительно переспросить: «Когда она это сказала?!». И только после того, как он узнаёт, что «пристальный взгляд» и «кивок головы» выражают «согласие» и «благодарность», можно говорить о начале выполнения задач целенаправленного диалога. Или другой пример:

— Кана, улук төрөлөр... дасторконго... даамга... Полковник отура бербеди. Абилди шектүү тиктеп, көңүлүнө бирдеме келип, ошол аны токтотуп турган өңдүү болду. Абил муну тилмечисиз түшүндү: — А... — деп, леп этип энчилип, эттен бир үзүп оозуна салды, — мына... мына... — деп, дасторконду кыдырып ар даамдан ооз тийип, ар чаначтан пиялага куйдуруп, бирден ууртап чыкты [3].

— Прошу, почтенные торе... к дастархану... отведаете угощения... Полковник не спешил садиться. Он подозрительно посмотрел на Абила (шектүү тиктеп), словно какая-то мысль пришла ему в голову и удерживала его. Абил понял это без переводчика: — А-а... — произнес он, молниеносно наклонился, отщипнул кусок мяса и положил в рот, — вот... вот... — приговаривал он, обходя дастархан, пробуя каждое блюдо и отпивая по глотку из каждой чаши, куда ему наливали из разных бурдюков. Для читателя остаётся неизвестным и непонятным, почему полковник, не обращая внимания на накрытый дастархан, «подозрительно посмотрел» на Абила, и что именно пришло ему в голову. Однако хитрый, крайне коварный и проницательный Абил бий «понял это без переводчика». Точнее, в «подозрительном взгляде» полковника он «увидел» и распознал мысль: «этот хитрый азиат пытается отравить пищу и убить нас». Чтобы опровергнуть эту мысль полковника, он сам «отведал угощения» и «отпил по глотку из каждого бурдюка». В результате задача по нейтрализации и опровержению «подозрительного взгляда» полковника и реализации своих иных намерений и целей значительно облегчилась. И не просто облегчилась — для Абила создались полные условия для достижения его главной цели.

«Индуc табып Абдылла бектин колунун учунан алып, тамырын кармабай эле жымыйып, үңүлүп көзүн тиктеди, иредин тиктеди, анан колунун үстүн сылап туруп: — Бектин кирпичи катып калган. Санаа кесел бектин кесели, — деди аппак тиштерин кашкайта. — Сары санааны бек таштасын... Абдылла бек эки көзү чекирейип, таңыркап тиктеп, анан башын чайкады. Индуc табып тигинин абалын түшүнгөндөй, кайгысын бөлүшкөндөй чекесин тырыштырып, бирпас тигилип Абдылла бектин көзүн тиктеп, жыбылжыган жумшак үн менен туталана сүйлөдү: — Вай!.. Санаа адамды мерт кылышын бек билбейби?.. Вай...» [3].

Лекарь-индус, взяв Абдулла бека за кончики пальцев, даже не стал искать пульс, а с улыбкой пристально взгляделся в его глаза (үңүлүп көзүн тиктеди), всмотрелся в лицо, а затем, поглаживая тыльную сторону его ладони, сказал, сверкнув белоснежными зубами:

— У бека ресницы застыли. Болезнь бека — это болезнь от душевных кручин. Пусть бек оставит свою жёлтую тоску... Абдулла бек, широко округлив глаза (эки көзү чекирейип), уставился на него в изумлении, а затем покачал головой. Лекарь-индус, словно понимая его состояние и разделяя его горе, наморщил лоб, некоторое время пристально смотрел в глаза Абдулла беку и мягким, вкрадчивым голосом заговорил с состраданием: — Вай!.. Неужели бек не знает, что тоска губит человека?.. Вай... . Из этого примера мы действительно полностью убеждаемся в том, что «глаза — зеркало души и ключ к общению». Лекарь-индус, в отличие от остальных лекарей, не стал прощупывать пульс Абдулла бека. Он «пристально взгляделся в глаза» больного, «всмотрелся в его лицо». Через это он безошибочно определил недуг и душевные терзания «пристально взгляделся в глаза» Абдулла бека. Это подтверждает мастерство и мудрость индийского лекаря, а также доказывает, что по глазам человека можно точно узнать и определить его внутренний мир, здоровье, психологию, состояние и болезнь. Следовательно, взгляд послужил точным индикатором для определения недуга. То, что общающийся человек «пристально глядится в глаза» и «всматривается в лицо», выполняет не только функцию облегчения выполнения коммуникативных задач; это также служит принятию правильного решения и вывода для реализации других целей (наблюдение за состоянием, выявление болезни, постановка диагноза и т.д.). В романе через художественное отражение реальной жизненной правды этот эпизод передан крайне наглядно. То, что лекарь-индус, даже не притрагиваясь к пульсу Абдулла бека, точно определил его болезнь по одному лишь взгляду, привело к тому, что «Абдулла бек широко округлил глаза», «уставился в изумлении», а затем «покачал головой». То, что лекарь, понимая состояние Абдулла бека, «некоторое время пристально смотрел в его глаза», стало знаком-сигналом, выражающим интерес к его дальнейшей судьбе, глубокую озабоченность, сочувствие к нему и суровое предостережение. Анализ художественных описаний и примеров в тексте наглядно показал, что функции слов, выражающих взгляд как невербальное средство в романе Т. Касымбекова «Сломанный меч», не ограничиваются пятью вышеуказанными типами. Эти функции обладают полифункциональностью и уходят в бесконечность, выполняя особую роль в обмене информацией, создании образов, описании конкретных ситуаций, придании художественному тексту эмоциональности и экспрессивности, отражении национальных особенностей, усилении выразительности текста и даровании читателю эстетико-эмоционального наслаждения. С этой точки зрения мы понимаем, что Тологон Касымбеков — не просто писатель, а великий художник с многогранным воображением, выдающийся психолог, проницательный и чуткий творец, мастерски описывающий события, обладающий врождённым талантом и высочайшей интуицией.

В заключение можно сказать, что окулесические (зрительные) средства в художественном тексте обладают семантически многогранным характером, поскольку глаза персонажей выражают самые разные психологические и коммуникативные ситуации. Именно благодаря этой особенности они используются в художественном произведении для описания различных характеров и столкновения этих характеров как художественных образов. Таким образом, невербальные средства в художественном тексте в целях создания художественного образа имеют функционально разнообразный характер и различные особенности. Мы полагаем, что этот аспект напрямую связан с коммуникативно-функциональными особенностями самого художественного текста.

Список литературы:

1. Аскарров, Т. Образдуу ой жүгүртүүнүн чексиздиги. Бишкек, 2000. 112 с.
2. Ботобекова, А. Кыргыз ымдоо-жаңсоолору. Бишкек: Bilge, 2007. 189 с.
3. Касымбеков Т. Сынган кылыч: тарыхый роман. Бишкек: Кыргызстан, 1998. 712 с.
4. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика и эстетика движений // Современная семиотика и гуманитарные науки. М., 2010. С. 243-258.
5. Маразыков Т. С. Көркөм текст: иликтөө жана окутуу маселелери. Бишкек, 2020. 290 с.
6. Пиз А. Язык телодвижений. М.: Эксмо, 2007. 288 с.
7. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 2008. 140 с.
8. Finnegan R. H. Communicating: the multiple modes of human interconnection. Routledge, 2002. 336 с.
9. Knapp M. L., Hall J. A., Horgan T. G. Nonverbal communication in human interaction. Thomson Wadsworth, 1972. 512 с.
10. Patterson M. L. More than words: The power of nonverbal communication. Aresta, 2011. V. 4.

References:

1. Askarov, T. (2000). Beskonechnost' obraznogo myshleniya. Bishkek. (in Russian).
2. Botobekova, A. (2007). Kyrgyzskie zhesty. Bishkek. (in Russian).
3. Kasymbekov, T. (1998). Slomannyj mech: istoricheskij roman. Bishkek. (in Russian).
4. Krejdlin, G. E. (2010). Neverbal'naya semiotika i ehstetika dvizhenij. In *Sovremennaya semiotika i gumanitarnye nauki*, 243–258. (in Russian).
5. Marazykov, T. S. (2020). Hudozhestvennyj tekst: voprosy issledovaniya i obucheniya. Bishkek. (in Russian).
6. Piz, A. (2007). Yazyk telodvizhenij. Moscow. (in Russian).
7. Fasmer, M. (2008). Ehtimologicheskij slovar' russkogo yazyka. Moscow. (in Russian).
8. Finnegan, R. H. (2002). Communicating: the multiple modes of human interconnection. Routledge.
9. Knapp, M. L., Hall, J. A., & Horgan, T. G. (1972). *Nonverbal communication in human interaction* (p. 512). Thomson Wadsworth.
10. Patterson, M. L. (2011). *More than words: The power of nonverbal communication* (4). Aresta.

Поступила в редакцию
04.06.2026 г.

Принята к публикации
16.06.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Маразыков Т. С., Элтузерова Г. Ж. Лингвопрагматический анализ функции движения глаз и взгляда, как невербальных средств в художественном тексте // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №9. С. 731-740. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/130/88>

Cite as (APA):

Marazykov, T., & Eltuzerova, G. (2026). Linguopragmatic Analysis of the Function of Eye Movements and Gaze as Non-Verbal Means in Literary Texts. *Bulletin of Science and Practice*, 12(9), 731-740. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/130/88>